

БЛИСТАТЕЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНИЦА: НЕЮБИЛЕЙНЫЙ АСПЕКТ БИОГРАФИИ

Личности российских монархов в летописи *Истории* сохранились в сложных и изменяющихся во времени образах. Их биографии кажутся известными в подробностях, однако каждое новое прочтение дневников, переписки, мемуаров и документов позволяет многократно перерисовывать известные портреты на фоне конкретных событий. Жизненный путь любого венценосца традиционно рассматривается через призму государственной деятельности, в аспекте, который достаточно далек от аспекта человеческого, будничного.

В биографиях российских правителей вопросы их личной жизни всегда, по понятным причинам, остаются в тени, и редко затрагиваются историками. Между тем, с течением времени именно человеческий аспект понимания исторической личности, который легче соотносится с современным восприятием жизни, становится – и остается – наиболее понятным.

В истории конца XVIII – начала XIX столетия устойчивым штампом осталась идеализированная оценка личности императрицы Марии Федоровны и ее роли в семье и обществе. Высказывания современников о том, что она «была царственно умна» (М. М. Сперанский) и ее жизнь «можно сравнить с возделанным садом, где все говорит о благотворной деятельности» (В. А. Жуковский), следовало бы воспринимать только в качестве характерных для эпохи панегириков, однако со временем эти оценки превратились в непреложные истины.

Многолетнее изучение истории семьи императора Павла I позволяет сегодня, несмотря на юбилейный повод, приоткрыть завесу тайны и позволить себе по-новому посмотреть на мир большой семьи императора

Павла I и попытаться понять характер женщины, бывшей хранительницей семейного очага.

И если кто-то из читателей не согласится с житейскими выводами автора, в какой-то степени его утешит эпиграф к этой статье...

Мирская молва — морская волна...
Из собрания русских пословиц Н. М. Карамзина

Начало супружеской жизни велиокняжеской четы, которое биографы описывали восторженно, было далеко не идиллическим. В сердце великого князя Павла Петровича еще жила боль, причиненная смертью первой жены, великой княгини Натальи Алексеевны, и ее раскрывшимся увлечением «лучшим другом» — Андреем Разумовским. Эту боль могли заглушить только новые и сильные эмоции. Шестнадцатилетняя Вюртембергская принцесса несла в душе горький осадок неприкрытого «торга» за ее руку между принцем Людвигом Гессен-Дармштадским и русским двором.

Однако все условности были соблюдены: «Я нашел свою невесту такову, какову только желать мысленно себе мог»¹, — признавался Павел Петрович матери. «Богу известно, каким счастьем представляется для меня вскоре принадлежать Вам»², — заверяла жениха будущая Мария Федоровна. Окружающим казалось, что великий князь получил идеальную подругу. Ее миловидность, доброжелательность и желание угодить мужу и свекрови быстро делали свое дело: наследник выглядел влюбленным и счастливым. В это время он предусмотрительно составил обширные «Наставления» будущей жене, которые регламентировали ее поведение в России³.

На первых порах императрица Екатерина не могла нарадоваться на юную пару; ее сложные отношения с сыном в этот период заметно улучшились. Достоинства его молодой супруги были налицо: домашнее образование в духе передовых идей Руссо гармонично сочеталось со строгим воспитанием, в основе которого лежали порядок и экономия. То обстоятельство, что образование в значительной степени базировалось на механическом усвоении фактов, а воспитание ограничивало возможность самостоятельного мышления, стало заметным далеко не сразу.

Великая княгиня Мария Федоровна изо всех сил старалась угодить свекрови и мужу и понравиться окружающим. Она не замечала, что ее немецкие добродетели воспринимаются в России не столь однозначно, как на родине; не чувствовала, как неукоснительное послушание и подчинение чужой воле рождают в ней внутреннее сопротивление и желание жить по-своему. Высокое положение диктовало необходимость подняться над привычными с детства устоями, а великая княгиня не была готова к своей новой роли. «Ее ум и характер не соответствуют ее сану, — свидетельствовал французский посланник Корберон. — Тесный круг ее понятий всегда будет удерживать ее в пределах домашнего очага... Вюртембергская принцесса, великая княгиня, даже если она будет императрицей, все равно останется не более чем женщиной»⁴.

Начиная с 1777 г., Мария Федоровна неустанно увеличивала численность династии Романовых. В большом потомстве августейшей четы был заложен синтез весьма противоречивых составляющих родительских характеров. Видимость европейской утонченности, повышенный интерес к светской пустоте, педантичность, излишняя в ее положении бережливость матери соединились с отцовским благородством и рыцарством, его познаниями в науках и искусствах, склонностью к мистицизму и совершенно невозможным характером, доходившим до самодурства.

Надежды Марии Федоровны на формирование семьи в «монбельярском» понимании оказались весьма иллюзорны. Рождение первенцев-сыновей, ре-

шившее проблему престолонаследия, обернулось унижением молодых супружеских, которые, по мнению царственной бабки, могли только «портить детей» и мешать их воспитанию. Узурпировав права родителей, Екатерина II окружила внуков неустанным вниманием, «успокаивая» сына и невестку: «Дети ваши принадлежат вам, но в то же время принадлежат и мне, принадлежат и государству. С самого раннего детства их я поставила себе в обязанность и удовольствие окружать их нежнейшими заботами...»⁵

В семейных отношениях ничего не изменило знаменательное романтическое путешествие. Правда, подарив графу Северному множество удивительных знакомств, вояж по Европе дал ему возможность впервые осознать свою значимость. Тем огорчительнее было, что после долгого отсутствия, «малый двор» вернулся к тому, от чего уезжал: впереди вновь маячила горечь разъединения с детьми и растущее взаимное неудовольствие. Шел шестой год их супружества — идиллия закончилась...

Не объединило великокняжескую чету длительное строительство Павловска с неизменной хозяйственной распорядительностью Марии Федоровны и ее мелочными придираками к управляющему имением и архитекторам. Павлу по сердцу была суровая Гатчина, ее ландшафтные парки, где он провел многие годы томительного ожидания власти. Супругов не связывала общность литературных вкусов — они читали разные книги. Павел Петрович был одержим идеями масонства и мистицизма — Мария Федоровна не желала о них слышать. Великая княгиня не пыталась вникнуть в благородные устремления и грандиозные планы мужа о будущем переустройстве государства. Их мог бы сблизить интерес к искусству, но и здесь пристрастия были абсолютно разными: великая княгиня предпочитала сентиментальную живопись Грэза и прелестные головки Ротари — Павла влекли изображения бурного моря Верне, батальные сцены и портреты исторических персонажей, его кумиров. Ее художественные увлечения были, скорее, талантливым рукомеслом, нежели творчеством; в них не чувствовалось движения души.

Любовь (или видимость любви?), выражавшаяся нарочито-пылкими откровениями Марии Федоровны, разжигавшими на первых порах самолюбие цесаревича, начала раздражать его своей чрезмерностью. Великая княгиня демонстрировала свои переживания от наблюдения бурной личной жизни стареющей Екатерины II и фривольностей двора, якобы оскорблявших ее добродетель. Для императрицы сын и невестка постепенно превратились в «тяжелый обоз», который мешал ей двигаться вперед на пути воспитания внуков по разработанной системе.

К моменту пышного празднования в 1786 г. в Павловске десятилетнего юбилея внешне сравнительно счастливой супружеской жизни, из нее уже почти ушло все доброе и созидательное. Однако это являлось нормой династического брака и мало кого смущало. В «Наставлении» Павла Петровича, написанном перед свадьбой, говорилось: «Я не буду говорить ни о любви, ни о привязанности, ибо это вполне зависит от счастливой случайности; но что касается дружбы и доверия, приобрести которые зависит от нас самих, то я не сомневаюсь, что принцесса пожелает снискать их своим поведением, своей сердечной добротою и иными своими достоинствами...»⁶ Теперь стало очевидно, что дружбы и доверия не получилось...

Хорошо известно, что Екатерина II, убежденная, что польза государства требует отстранения сына от престолонаследия, всерьез обдумывала передать престол любимому старшемуну внуку, великому князю Александру Павловичу. О грозящей опасности Павел догадывался: делали свое дело придворные интриги. Наследнику внушали, что его супруга, подобно императрице Екатерине, желает повторить 1762 год и царствовать сама. Марии

Федоровне нашептывали о намерении мужа заточить ее в монастырь. Отношения становились все напряженнее...

Понимая сложности, которые в случае его смерти должны были неизбежно возникнуть в многочисленном семействе из-за отсутствия закона о порядке престолонаследия, Павел составил духовное завещание. Этим завещанием Марии Федоровне отказывалось в праве на престол, который переходил их старшему сыну. Парадоксально, но тайно друг от друга Павел и Екатерина думали над одной и той же проблемой...

Годы шли, и разлад в великолкняжеской семье становился заметен окружающим. «Павел, находя в своей жене классическую красоту, неутомимую снисходительность, присущие ей как покорной супруге и нежной матери, преисполнился к ней отвращения...», «его приверженность ... превратилась в отчуждение»⁷, – свидетельствовал современник.

С годами мелочная домашняя опека Марии Федоровны все усиливалась. «Его (Павла Петровича. – Е. К.) супруга, великая княгиня, хотя любила его, но своими стараниями влиять на него только больше раздражала его. Она окружила его интригами, которые льстили его самолюбию, уничтожали доброту его характера»⁸, – свидетельствовала В. Н. Головина. Категоричность и самовлюбленность, нечуткость при больших претензиях быть чуткой, а – главное – склонность жены к интригам выводили из себя уже начинаящего стареть Павла. «Императрица по своему характеру не была зла, – писал Ф. Г. Головкин, – но желание иметь влияние заставило ее натворить в это царствование много бед»⁹.

После рождения летом 1796 г. третьего долгожданного внука – великого князя Николая Павловича – императрица обратилась к мысли об отстранения Павла от власти. Составленный акт отречения она передала Марии Федоровне, предложив ей потребовать от цесаревича признания прав на престол старшего сына. Невестка должна была выразить и свое согласие, скрепив документ подписью¹⁰.

Великая княгиня, мечтавшая вместе с супругом взойти на трон, не испугавшись гнева императрицы, не исполнила ее волю. Более того, она скрыла требование державной матери от подозрительного Павла: документ был обнаружен им в бумагах Екатерины II уже после ее смерти. Но то обстоятельство, что Мария Федоровна была причастна к тайне, не способствовало семейному миру. Теперь нравственная связь между супругами рухнула окончательно...

Павел не любил комфорта и роскоши, не умел пользоваться радостями жизни. «Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену»¹¹, – писал он, неохотно посещая балы и приемы. Жизнь «малого двора» была достаточно унылой: во время утомительных вечерних собраний приближенные «проводили время в пустых разговорах». Домашний быт был однообразен – и это при наличии в доме детей и блестяще образованных молодых людей, с разными интересами и художественными увлечениями! Не удивительно, что Екатерина в 1794 г. писала

Гrimmu:

«Молодежь

и мои внуки и внучки говорят, что я должна присутствовать, чтобы веселение царило как им хочется и что они смелее и непринужденнее при мне, чем без меня...»¹²

Мало что изменилось после долгожданного восшествия на престол. Маскарады, театральные спектакли, вечера, устраивавшие которые обязывало положение, были по-прежнему скучны. Семейный климат не улучшился после появления на свет мальшней, теперь уже всецело принадлежавших родителям.

Оставим без внимания вопрос о незаконности происхождения младших детей Павла Петровича – Анны Павловны и Николая Павловича. В последние годы XVIII столетия об этом много говорили в обществе, ходили разные слухи. Отнесемся к ним как к ничем не доказанным и ничем не опровергнутым преданиям.. Гораздо важнее отметить, что Павел питал к малышам самые нежные отцовские чувства. «Мой отец любил окружать себя своими младшими детьми и заставлял нас, Николая, Михаила и меня, являться к нему в комнату играть, пока его причесывали, в единственный свободный момент, который был у него»¹³, – вспоминала великая княжна Анна Павловна. Отец много играл с детьми: «Брал их на руки, танцевал с ними вокруг комнаты, словом, делал все, что нежный и любящий отец делает со своими детьми»¹⁴.

В отличие от мужа, играя роль хранительницы домашнего очага, Мария Федоровна проявляла заботу о здоровье и воспитании детей только внешне. На долю мальшай, родившихся после смерти Екатерины II, и вовсе не выпало тепла и нежности. Николай Павлович с горечью вспоминал впоследствии: «Моим детям было лучше, чем нам, которых учили только креститься в известное время обедни, да говорить наизусть разные молитвы, не заботясь о том, что делается в наших душах»¹⁵.

К концу царствования Павла отношения в семье обострились настолько, что императрица оказалась в опальном положении отвергнутой жены, опасаясь лишь полного разрыва и его последствий. В результате «великой интриги» 1798 г. императрица «оказалась изолированной и лишилась всякой возможности оказывать какое-либо влияние»¹⁶. После рождения великого князя Михаила Павловича, следуя запрету медиков, августейшее семейство прекратило и интимные отношения.

Современник отмечал, что «со своей супругой Павел наружно еще поддерживал отношения, но в душе относился враждебно»¹⁷. По свидетельству наблюдательной В. Н. Головиной, «...жалобы императрицы надоели императору и выводили его из себя... Справедливо удивляются, что со своим вспыльчивым и гневным характером Павел так долго переносил мелочность императрицы и ее частое забвение такта и меры»¹⁸.

Для семейного благополучия не имело никакого значения отсутствие у Марии Федоровны политических взглядов и широкого государственного ума. Гораздо важнее, что она не обладала умом житейским, столь необходимым домоправительнице и матери семейства. В итоге – достаточно красивая, достаточно образованная, достаточно молодая императрица, самостоятельно ведущая свои дела и распоряжавшаяся капиталом, потерпела полный крах своей семенной жизни. Она была слишком правильна, а потому – слишком скучна.

Любые семейные отношения, всегда неоднозначные, имеют тенденцию трансформироваться с годами. Длительный брак проходит разные стадии, пока на смену страсти не приходят дружба, понимание, общность взглядов. Ничего этого не случилось в отношениях императора Павла I и его супруги: не случайно близкая ко двору М. С. Муханова горько замечала: «О семейной жизни Марии Федоровны лучше не вспоминать...»¹⁹

На протяжении сорока дней пребывания в стенах Михайловского замка атмосфера императорской семьи была полна взаимной неприязни, доходившей до ненависти, и «в последнее время своего царствования Павел I опасался жены, как и своего наследника, и грозил им заточением»²⁰.

На этом фоне вполне объяснимой выглядит одна из версий о ходе трагических событий ночью 11 марта 1801 года, когда императрица потребовала присяги не сыну, а ей самой. Острота столкновения между матерью и сыном, скорее всего, была обусловлена не одномоментным порывом. Мария

Федоровна часто думала об «удовлетворении собственного непомерного тщеславия»²¹, в ней угадывалось стремление овладеть любой ситуацией. Вполне вероятно, что желание царствовать зрело в душе немецкой принцессы на протяжении долгих лет...

Обстоятельства оказались сильнее ее: намерение вновь установить в России женское правление не подкреплялось никакими политическими силами – это быстро отрезвило Марию Федоровну. Она облачилась в глубокий траур, чтобы до конца дней успешно играть роль безутешной вдовы императора Павла I...

Все сказанное во многом объясняет последнюю волю императрицы уничтожить записки и дневники, которые она вела с 1770-х гг., и захоронить вместе с ней медный ящик с пеплом от сожженной переписки с родителями. О мыслях и чувствах Марии Федоровны на протяжении долгой семейной жизни не суждено было узнать никому...

Неудивительно, что никто из членов огромного императорского семейства не захотел сделать новую императорскую резиденцию Михайловский замок – «любимое детище» Павла – своим домом. Александр I сетовал, что он «множит число ненужных дворцов» и всю жизнь опускал глаза, проезжая мимо – этого требовало ощущение разрушенного в стенах дворца семейного мира покойного императора...

Тайные и явные семейные конфликты не были секретом для взрослых и маленьких детей августейшей четы, и разлад между родителями наложил отпечаток на характеры наследников. Не познав в полной мере тепла общения и радости дружбы в родительском доме, они не сумели – каждый по-своему – построить мир своей собственной семьи, а порой даже создать видимость этого мира. Почти все «Павловичи» и «Павловны» – Александр, Константин, Александра, Елена, Мария, Михаил – не были счастливы в браке...

Следуя во многом поведению матери, дочери учились приспосабливаться к жизненным ситуациям. «Мне бы хотелось назвать всех их, хотя бы народилось их десять, именем Марии, – говорила в свое время Екатерина II о наследницах. – Тогда, мне кажется, они будут держать себя прямо, заботиться о своем стане и цвете лица, есть за четверых, благоразумно выбирать книги для чтения и напоследок из них выйдут отличные гражданки для какой угодно страны»²². Разве не встает за этими словами весьма насмешливый портрет невестки?

«Вся ее жизнь и деятельность – раньше и после (1801 г. – Е. К.) – были вечной погоней за популярностью. Она стояла во главе нескольких благотворительных учреждений и хотя в управлении ими проявляла мало понимания дела, но зато много рвения и некоторое тщеславие. Она не делала ни одной прогулки, которая не была бы рассчитана на то, чтобы вызвать какой-нибудь шум, заставить о себе говорить и предстать перед народом в качестве любвеобильного доброго гения, полного смирения и достоинства. Ни на одну минуту она не забывала о своей роли, и все ее существование в силу этого приобрело резко театральный и искусственный облик»²³, – писал в начале XX в. А. Г. Брикнер, и даже столь резкая и категоричная оценка небезосновательна...

С течением времени беды и потери значительно изменили характер Марии Федоровны: она пережила мужа и пятерых из десяти детей. Трагические события в Михайловском замке определили ее будущие отношения с подрастающими и взрослыми детьми: они стали теплее и сердечнее, на ее долю выпало уважение и почитание. Современник замечал, что вдовствующую императрицу «много было бы пожалеть как жену, если бы с некоторого момента любовь ее прекрасного семейства не осча-

стливила ее вполне...»²⁴ Взгляды ее с годами менялись, характер становился мягче и сердечнее. Постепенно Мария Федоровна пришла к более серьезным и созидательным, чем прежде, занятиям благотворительной и образовательной деятельностью на пользу России, склонность к которой она испытывала еще при жизни мужа. Так – не без оснований – начал формироваться идиллический образ императрицы-благодетельницы, который прочно вошел в историю.

Об отношениях императора Павла I и императрицы Марии Федоровны биографы писали мало, стгаживая «острые углы». Сетуя на тяжелый и вспыльчивый характер императора, традиционно отмечали умение Марии Федоровны мудро направить эмоции супруга в нужное русло. Оценивали высокий вкус императрицы и ее художественные наклонности. Отмечали основательность воспитания детей, которые получили европейское дворцовое образование – музыка, живопись, естественные науки, история, иностранные языки.

Однако ни один исторический портрет не может быть написан монохромно – он всегда состоит из полутона... Возможно, поэтому, отмечая знаменательный юбилей женщины, вошедшей в отечественную историю многими славными делами, мы не сочли нужным оставить за скобками рассказ о ее противоречивой натуре, о сложностях взаимоотношений в августейшем семействе, без понимания которых невозможно ни на шаг приблизиться к пониманию многих вопросов истории XIX столетия, на протяжении которого Россией правили потомки императора Павла. Умные, талантливые, образованные, начитанные – они выросли в семье, где не было любви... И очень жаль, что попытка уйти от сложившихся стереотипов, сделала рассказ о жизни императрицы Марии Федоровны столь неюбилейным...

Примечания

1. Цит. по: Шильдер Н. К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб., 1901. С. 127.
2. Русская старина. 1898. Вып. 1. С. 247–261.
3. Цит. по: Шумигорский Е. С. Императрица Мария Федоровна. СПб., 1892. С. 101–102.
4. Цит. по: Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 201.
5. Русская старина. 1898. Т. 93. № 2. С. 247.
6. [Гейкинг К. Г.] Дни императора Павла. Записки курляндского дворянина. СПб., 1907. С. 34.
7. [Головина В. Н.] Записки графини Варвары Николаевны Головиной / Под ред. и с прим. Е. С. Шумигорского. СПб., 1900. С. 37.
8. Головкин Ф. Г. Двор и царствование Павла I. Портреты, воспоминания // Сост., вступит. ст., подгот. текста, comment. Д. Исмаил-Заде. М., 2003. С. 159.
9. Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 268–269; Шумигорский Е. С. Император Павел I... С. 74–75.
10. Цит. по: Лесков А. М. Павел I. М., 1999. С. 320.
11. Цит. по: Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович (1754–1796): Историческое исследование / Предисл. Е. Я. Кальницкой. СПб., 2001. С. 299.
12. Сборник РИО. СПб., 1896. Т. 98. С. 21.
13. ГАРФ. Ф. 926. Оп. 1. Д. 164. С. 229. Из неизданных мемуаров А. Коцебу.
14. ГАРФ. Ф. 728. Оп. 1. Д. 2271. Л. 60.
15. Брикнер А. Г. Смерть Павла Первого. М., 1907. С. 9.
16. Там же. С. 26.
17. [Головина В. Н.] Указ. соч. С. 157.
18. Из записок М. С. Мухановой // Русский архив. 1878. Кн. 1. С. 309.

Блистательная благотворительница: неюбилейный аспект биографии

19. Муравьев-Апостол М. И. Убийство Павла I // Михайловский замок. Страницы биографии памятника в документах и литературе. М., 2003. С. 207.
20. Шильдер Н. К. Указ. соч. С. 138.
21. Кобеко Д. Ф. Указ. соч. С. 221.
22. Брикнер А. Г. Указ. соч. С. 74–75.
23. Масон Ш. Секретные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996. С. 106.